

РУССКИЕ СКАЗОЧНИКИ

Из статьи М. К. Азадовского¹

Чернышевский, и Пушкин, и целый ряд великих художников слова чувствовали и ценили прежде всего художественную сторону сказок, их увлекательную выдумку, свободное развитие действия, сочный и яркий язык. Сказка раскрывалась перед ними главным образом как *художественное произведение* и была равноправна с другими памятниками мировой поэзии, иногда даже превосходя их.

Как ни странно, но в наши дни такое понимание всё более и более стирается. Сказка как будто вычёркивается из рядов художественных памятников и переходит в разряд памятников или даже документов этнографических. В этом отношении она разделяет судьбу и других видов так называемого народного творчества. Такой же узко-этнографический подход был к памятникам искусства изобразительного. Изделия каких-нибудь неведомых художников русских деревень или чукотских и якутских юрт интересовали только в силу своей этнографичности, и мало кто задумывался над тем, что их создал тот же творческий импульс, который вызвал к жизни картины Винчи или скульптуру Микеланджело, что они не только музейный документ, но и воплощение в своеобразных формах живой жизни и творческих устремлений художника, что они также являются художественным воплощением чувств и мыслей создавшей их среды.

Так, мы разрываем с безличной этнографией и входим в круг мастеров-художников, в круг деятелей искусств, где общая коллективная работа отмечена печатью создающих и ведущих её ярких художественных индивидуальностей.

¹ Марк Константинович Азадовский (18 декабря 1888, Иркутск — 24 ноября 1954, Ленинград) — российский и советский фольклорист, литературовед и этнограф.

Не мир «безличной этнографии», но — мир искусства. Так же дело обстоит и со сказкой. Какую бы роль ни играла она в этнографических изучениях, она является вместе с тем и, главным образом, художественным памятником, и её носители также являются деятелями общей художественной культуры.

Не так давно сказка была предметом яростной дискуссии. Накопилась даже некоторая литература по вопросу о педагогическом значении сказки и её роли в художественном воспитании ребёнка. Из этой сферы вопрос как-то незаметно переносился в сторону общего значения сказки. Но в этой дискуссии проблема приняла односторонний характер. При этом забылось то, с чего как раз начинал Чернышевский. Сказка — не только детское чтение. Вернее сказать, сказка только в меньшей части является уделом детской аудитории. В основе же своей сказка предназначена для других слушателей. И создавалась и бытует она не в детской среде и не для детского уровня. Она также мало создана для детей, как не для детей «Декамерон» или «Путешествие Гулливера» и ряд других великих созданий мирового искусства. Сказка — в той же сфере, она часть общего наследия классической литературы, и вопрос о ней неотделим от общего вопроса о наследии классиков. Сказка не только прошлое, но и настоящее — творческое её бытие ещё далеко не оборвалось, но является в полной мере фактом сегодняшнего дня.

Иногда раздаются голоса: да нужен ли вообще современному читателю этот мир сказочных образов и сказочной фантастики. Нужны ли и интересны все эти рассказы об Иванах-Царевичах и Василиях — купеческих сыновьях — их подвигах и удачах, кончающихся неизменной женитьбой и добыванием царства. Но так ставить вопрос — значит невероятно снижать его. При такой постановке совершенно забывается особая природа сказочной фантастики. Сказочная фантастика самым тесным образом связана с породившим её реальным миром, его потребностями и задачами, его социальными противоречиями и острой социальной борьбой. Дело не в фабуле, не в сюжетной схеме, но в художественном

методе, в целостной системе образов и скрывающемся в них мировоззрении. Мир царей и королей — это только внешняя оболочка, внешняя сюжетная схема, за которой раскрывается иной мир и иное миропонимание.

[...] Вс. Иванов как-то писал, что «классическим» произведением может быть «прежде всего создание радостное и весёлое». Весёлое здесь, конечно, употреблено в том же смысле, в каком, например, Блок говорил о поэзии Пушкина: «Пушкин — весёлое имя!» Редко к чему так приложимо это красочное определение, как к сказке. Заражающая бодрость и высокая весёлость — вот основные свойства сказки. Эта бодрость коренится, несомненно, в том, что сказка тесно связана с мотивом социальной борьбы и что эти мотивы борьбы и победы определённо настраивали и слушателя, и рассказчика; в этом же коренится и сущность её художественного метода, здесь же причины той огромной распространённости и популярности, какие имеет сказка и до сих пор в определённых слоях народа, где она является любимым источником развлечения.

И как подлинное классическое наследие, сказка имеет огромное значение как элемент литературного воспитания и литературной учебной работы. На съезде крестьянских писателей Максим Горький с особенной силой настаивал на необходимости постоянного обращения к фольклору. «Я не теряю интереса к фольклору, — говорил он, — народные песни, народные сказки, народные легенды, — вообще всё народное творчество, которое, собственно, и называется фольклором, — должно быть постоянно нашим материалом».

РУССКИЕ СКАЗКИ

ГЛУПЫЙ ВОЛК

ил-был волк, старый-престарый. Зубы у него стнили, глаза слезятся и почти не видят. Тяжело ему стало жить: хоть ложись да помирай.

Пошёл как-то волк на поиски добычи. Идёт, идёт, вдруг видит — в поле жеребёнок пасётся.

Обрадовался волк и говорит:

— Жеребёнок, жеребёнок, я тебя съем!

— Где тебе, старому, съесть меня! Да у тебя и зубов-то нет.

— А вот есть зубы!

— Покажи, коли не хвастаешь!

Волк и оскалил зубы:

— Смотри!

Жеребёнок лягнул его изо всех сил прямо по зубам да и был таков.

Упал волк без сознания. Лежал, лежал, с трудом в себя пришёл. А живот от голода сводит. Делать нечего, побрёл он дальше.

Идёт лесом, навстречу ему — портной. Настроение у портного хорошее: пританцовывает, песни поёт, аршином железным помахивает.

Остановился волк посреди дороги:

— Портной, портной, я тебя съем!

Посмотрел портной на волка:

— Ну, что ж! Так и быть, ешь. Вот только помещусь ли я у тебя в животе? Нужно мерку сначала снять.

— Меряй, — согласился волк, — только поскорей, а то я очень голоден.

Портной зашёл сзади, схватил волка за хвост, намотал хвост на руку и давай волка по бокам аршином лупить. Бьёт да приговаривает:

— Аршин вдоль, аршин поперёк! Аршин вдоль, аршин поперёк!

Пытаясь освободиться, волк полхвоста потерял — порвался хвост, и часть его осталась в руке портного. Хорошо, что хоть ноги удалось унести.

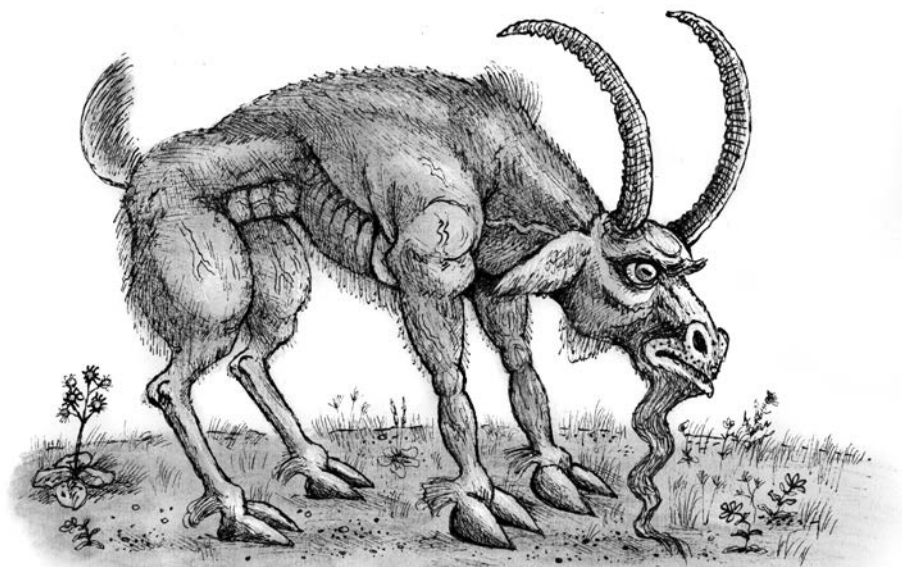
Плетётся волк еле-еле, зализывает рану. Вдруг видит — пасётся на горе большой козёл.

— Козёл, козёл! Я тебя съем!

— Да ешь, коли хочется. Только зачем понапрасну зубы ломать, ты лучше стань под горой и разинь пасть пошире, а я с горы разбежусь — прямо туда и запрыгну.

Волк стал под горой, разинул пасть и ждёт.

Козёл разбежался с горы и ударил волка в лоб. Волк свалился как подкошенный, из глаз звёзды посыпались. А козла и след простыл.

Отлежался волк, встал и думает:

«Проглотил я козла или нет? Ведь если бы я съел козла, брюхо было бы полным. Наверно, он меня, обманщик, провёл».

Погоревал волк, погоревал и пошёл опять искать себе добычи. Увидел под кустом падаль, бросился на неё и попал в капкан.

ИВАН БЕСТАЛАННЫЙ И ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

В давние времена жила в одной деревне вдовая крестьянка с сыном Иваном.

Шло время. Иван вырос, стал большим и сильным, на радость матери. И всё бы хорошо, да только печалится мать, что он у неё совсем бесталанный: за что ни возьмётся — всё не в пользу и впрок, а всё поперёк, не как у других. Поедет, бывало, Иван землю пахать, мать ему и говорит:

— Ты, сынок, поглубже малость паши, а то верхний слой земли хлебом съеден!

Иван вспашет поле поглубже, до самой глины, и глину ту вытащит наверх; посеет потом хлеб — не родится ничего, только семена зря изведёт. И так во всём: старается Иван сделать как лучше, да нет у него удачи и разума мало. А мать стара стала, работа ей непосильна. Как им жить? Вот и жили они бедно, ничего у них не было.

Вскоре хлеба в доме совсем не осталось, последнюю краюшку доели. Призадумалась мать: случись что с ней, как будет жить её сын, такой бесталанный? Нужно бы женить его: у разумной жены и непутёвый муж в хозяйстве пригодится, даром хлеб есть не будет. Да кто его, однако, в мужья возьмёт? Не то что красна девица, а и вдова, поди, не польстится!

Пока мать предавалась печали, Иван сидел на завалинке и ни о чём не переживал. А мимо идёт старичок — согбенный, замшелый, с потемневшим от вьевшейся грязи лицом.

— Сынок, будь добр, дай мне что-нибудь поесть, — попросил старик Ивана, — отошел я за дальнюю дорогу, в суме моей давно пусто.

— Извини, дедушка, у нас у самих крошки хлеба нету в избе, — с сожалением в голосе ответил Иван. — Знать бы, что ты придёшь, я бы давеча сам последние крохи не ел, тебе бы оставил. Пойдём со мной, хоть умоешься с дороги, да и рубаху твою я постирну.

Истопил Иван баню, помылся старик, Иван его веником попарил, потом выстирал одежду старика и уложил уставшего путника спать в избе.

Старик выспался, отдохнул, а проснувшись, и говорит:

— Я твою доброту не забуду. Коли станет тебе худо, пойди в лес. Дойдешь до места, где две дороги расходятся, увидишь, там серый камень лежит, — толкни тот камень плечом, позови меня, я тут же и предстану перед тобой.

Сказал так старик и ушёл. А Иван с матерью совсем отчаялись, ни одной крошки съестного в доме не осталось, хоть ложись и помирай.

— Обожди меня, матушка, — сказал Иван. — Может, я хлеба тебе принесу.

— Да как же! — ответила мать. — Где ты, бесталанный, хлеба возьмёшь?! Сам-то хоть поешь, а я уж, видно, к Господу нашему натошак отправлюсь... Нашёл бы себе, что ли, невесту, сынок, — может, при жене-то, коли неглупой окажется, всегда с хлебом будешь.

Горестно вздохнул Иван и пошёл в лес. Приходит к развилке дорог, как старик сказывал, коснулся камня плечом, позвал старика — тот и появился невесть откуда.

— Чего тебе? — спрашивает. — Аль в гости пришёл?

Повёл старик Ивана в лес. Видит Иван — в лесу богатые избы стоят. А дед в одну из них и направляется по-хозяйски, Ивана в дом приглашает.

Велел старик кухарке первым делом зажарить барана. Стал гостя угощать. А Иван поел и говорит:

— Мне бы ещё барашка, если можно, да хлеба краюху...

Удивился старик-хозяин, но велел уважить гостя, подать, что тот просит.

— Изволь, — говорит, — угощайся, сколь у тебя душа примет. Аль не сыт?

— Я-то сыт, — отвечает Иван, — премного благодарю, хочу хлеба краюшку да барашка моей матушке отнести, а то ей больно голодно живётся.

Старый хозяин велел своему человеку снести матери Ивана две ковриги белого хлеба и целого барана. А потом и говорит:

— Отчего же вы с матерью голодно живёте? Ты вон какой большой вырос, жениться уж пора, чем семейство прокормишь?

— Даже и не знаю, дедушка! — отвечает Иван. — Да и нет пока жены у меня.

— Эко горе какое! — сказал старик. — А отдам-ка я, пожалуй, свою дочь Елену тебе в жёны. Она у меня разумница, её ума вам на двоих хватит.

Сказал так и тут же дочь позвал. Вошла в горницу прекрасная девушка. Такую красоту и не видел никто, и неизвестно было, что такая красота есть на свете. Глянул на неё Иван, и сердце у него замерло.

А старик строго говорит дочери:

— Вот тебе муж, а ты ему жена.

Прекрасная девушка взор потупила и ангельским голосом произнесла:

— Воля ваша, батюшка.

Поженились Иван с Еленой, стали жить-поживать. Жена Ивана домом правит, живут богато, ни в чём не нуждаются. Старый хозяин редко дома бывает — ходит по миру, народную мудрость собирает, а по возвращении в книгу записывает.

Однажды старик принёс издалече, с холодных гор, волшебное зеркальце от мастера-чародея, — принёс да и спрятал.

Мать Ивана жила теперь в сытости и довольстве, но по-прежнему в своей избе в деревне. Сын звал её жить к себе, да мать не захотела: не по душе ей была жизнь в доме у невестки, не понимала она, чем её сын заслужил такую красавицу, богатую и знатную, а потому беспокойно было на сердце у неё.

Задумался Иван над опасениями матери. И ведь правда: всего довольно у него, и жена ласковая, слова поперёк не скажет, а чувствует он, будто всегда холодно ему. И живут они вроде как не полной жизнью, вполнакала.

Однажды приходит к Ивану старик и говорит:

— Собираюсь я в дальние края, дальше, чем прежде ходил, вернусь не скоро. Хочу тебе ключ от амбара оставить, который всегда при себе носил, да теперь боюсь потерять в дороге, уж больно далёк мой путь. Ты ключ береги и амбар им не отпирай. А уж пойдёшь в амбар, так жену туда не веди. А коли не стерпишь и жену поведёшь, так цветное платье ей не давай. Время придёт, я сам ей выдам его, для неё и берегу. Запомни, что я сказал, а то жизнь свою в смерти потеряешь!

Оставил старик Ивану ключ и ушёл.

Прошло время. Любопытно Ивану, что в том амбаре, решил он посмотреть.

«Я только одним глазком гляну, а жену не поведу!» — подумал он.

Открыл Иван амбар, что всегда заперт был, заглянул внутрь и чуть не ослеп от блеска золота, драгоценных камней и ещё чего-то, чему он не знал названия. Когда глаза его привыкли к этому блеску, Иван заметил в дальнем углу амбара дверь, ведущую, видимо, в чулан или какое-то потайное место. Он открыл дверь и, даже не успев войти, непроизвольно воскликнул:

— Елена, жёнушка моя, иди сюда скорее!

В чулане том висело самоцветное женское платье, сиявшее, как солнце в ясном небе, и по размеру было впору его жене. Обрадовался Иван, такое платье ей точно придётся по нраву.

Вспомнил было Иван, что старик не велел ему платье жене давать, да что с платьем станется, если он его только покажет! А Иван любил жену: она улыбнётся, и ему счастье.

Пришла жена, увидела платье и ахнула от восторга, пожелав немедленно его примерить.

Но Иван не велит ей платье надевать. Жена в слёзы.

— Ты, — говорит, — знать, не любишь меня, коль такое восхитительное платье для жены жалеешь. Дай мне хоть руки продеть, я попробую, каково оно на ощупь, посмотрю, годится ли мне.

Иван разрешил ей руки продеть, пусть порадуется, а с платьем ничего не случится.

Жена продела руки в рукава и опять к мужу:

— Не видать ничего. Разреши голову в ворот сунуть.

Иван разрешил. Она голову сунула, да и дёрнула платье на себя, так что сразу вся в нём и оказалась. А в одном из карманов зеркала лежало, она достала его и собой любит-ся.

— Ишь, — говорит, — какая красавица, а с бесталанным мужем живёт! Стать бы мне птицей, улетела бы я отсюда далеко-далеко!

Вскрикнула она высоким голосом, всплеснула руками, глядь — и нет её. Обратилась она в голубицу и улетела из амбара далеко-далеко в синее небо, как и пожелала. Платье-то волшебное было.

Погоревал Иван, да в путь собрался, жену искать. Слезами делу не поможешь.

— Вот ведь непослушная какая, — сказал он, — забыла наставления отца, с родительского двора без спросу ушла! Найду её, научу уму-разуму!

И тут вспомнил, что сам-то не лучше, бесталанный ведь, хоть плачь.

Вот идёт он путём, идёт дорогой, идёт тропинкой; плохо ему, горюет он по жене. Видит Иван — щука у воды лежит, совсем помирает, а до воды добраться не может. «Э-хе-хе, — думает Иван, — мне-то плохо, а ей того хуже».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Русские сказочники</i>	5
<i>Русские сказки</i>	9
Глупый волк	10
Иван Бесталанный и Елена Премудрая	14
<i>Карельские сказки</i>	29
Как один парень царя проучил	30
Горшок киселя	33
<i>Ненецкие сказки</i>	37
Повелитель ветров	38
Как медведь хвост потерял	47
<i>Коми сказки</i>	49
Старуха Йома и две девушки	50
<i>Эрзянские сказки</i>	55
Дуболго Пичай	56
Старая корова	64
<i>Марийские сказки</i>	71
Сереброзубая Пампалче	72
Лепёшки на молоке матери	81
<i>Саамские сказки</i>	87
Невеста солнца	88
Чакли	94
<i>Татарские сказки</i>	101
Что дороже?	102
<i>Калмыцкие сказки</i>	111
Добрый Овше	112
<i>Адыгейские сказки</i>	119
Аслануко — сын львицы	120
<i>Алтайские сказки</i>	127
Шёлковая кисточка — Торко-чачак	128

Юсюзек и Алтын-Чач.....	135
<i>Кабардинские сказки</i>	147
Как дурак нашёл разум.....	148
<i>Балкарские сказки</i>	153
Золотая птица	154
<i>Осетинские сказки</i>	161
Благодарный человек	162
<i>Чеченские сказки</i>	167
Волшебный сноп, котёл и шапка-невидимка	168
Золотое перо и плётка.....	171
<i>Ингушские сказки</i>	175
Удалец Фушт-Бейг и красавица Джинагаз.....	176
<i>Удмуртские сказки</i>	189
Лопшо Педунь и его тень	190
Алчный купец и Лопшо Педунь.....	193
<i>Легенды Крыма и сказки крымских татар</i>	197
Пещера тысячи черепов	198
Пират-монах	202
Красавица Арзы и Али-Баба — похититель женщин	206
О мудром ишаке	212
<i>Этнографическая справка</i>	215

